

ТАЙНА

ЮЛИЯ ЛЕБЕДЕВА

18+

Юлия Лебедева

Тайна

«Автор»

2026

Лебедева Ю.

Тайна / Ю. Лебедева — «Автор», 2026

Героиня живёт в богатом загородном доме, сконструированном по последнему слову моды: огромные панорамные окна, каменная и стеклянная фурнитура, черно-белая расцветка. Ее муж — преуспевающий финансист, жаждущий войти в высшие круги местного общества, открыть свой собственный бизнес. И к сорокам годам, наконец, обзавестись ребенком. Но все не так-то просто. Измены мужа вынуждают жену притворяться, будто она до сих пор ни о чем не знает. А прием седативных, которые она глотает каждый вечер, а то и днем, лишь бы не видеть кошмары, постепенно перерастает в паранойю. Но все меняется, когда муж уезжает в очередную командировку, оставляя ее одну дома. И на следующий день, ожидая визита специалиста по отделочным работам, она открывает дверь и видит в рабочем комбинезоне своего старого знакомого. Того, кто может знать о ее самой страшной тайне, чтобы окончательно разрушить все, что она так долго строила.

© Лебедева Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юлия Лебедева

Тайна

Глава 1

– Как холодно... – Элизабет съежилась на диване, наблюдая за тем, как ее муж усиленно проверял за собой вещи, отбывая в четырехдневную командировку.

– Вот, возьми, – Генри протянул ей кашемировый плед, попутно взглянув на часы. – Черт, уже опаздываю! Планшет... куда я сунул свой планшет?

– Во внутреннем кармане портфеля, – улыбнулась она многозначительно, поджав под себя ноги. – Я помню, насколько он тебе дорог.

Генри вогнал пальцы во внутренний карман пиджака, достав один билет на прямой рейс из Сан-Франциско до Лос-Анджелеса и личный паспорт с водительскими правами.

– Завтра прибудет специалист. Не забудь, пожалуйста, его на этот раз встретить.

– Хорошо, – Элизабет покачала головой, вслушиваясь в родной, но до боли безразличный голос, и вскочила на ноги, когда ее муж внезапно схватился за оба чемодана. – Ты уверен, что мне не обязательно ехать с тобой до аэропорта? Не пришлось бы оставлять на парковке свою машину.

– Уже слишком поздно. Тебе лучше лечь спать. Ты уже выпила таблетки?

Когда Генри взялся за последнюю сумку и молча направился к двери, она последовала за ним, в надежде поцеловать его на прощание. Но в последнее время Генри был слишком не внимателен ко всему этому розовому упрямству. Помимо страсти к чрезмерным амбициям его также манила сама страсть, которую его жена не могла ему дать ни до и, уж тем более, ни после приема седативных препаратов. Так стараясь затемнить ее понимание, он даже не догадывался, что Элизабет тем временем понимала куда больше: следы помады на воротнике рубашки, местами взъерошенный волос. Но иногда, будто бы специально, он заявлялся домой совершенно не подготовленным, а потому она уже с порога могла распознать, сколько времени длилась между ним и его помощницей их интимная близость.

– Ты точно успеешь вернуться к пятнице?

– Формально – да. Или если сделка не выгорит. Но ты же знаешь, что я не могу этого допустить.

Генри распахнул багажник элитного автомобиля и уложил туда все свои предметы гардероба «на выход». Где-то в недрах кармана зазвонил телефон.

– Я позвоню тебе, как только устроюсь в отеле, ладно?

Шаря одной рукой по карманам, второй он открыл водительскую дверь и отбросил портфель на соседнее кресло. Ответил на звонок. На самом деле, ей стало очень сложно вникнуть в его рабочие термины – сказывался эффект диазепама, но она продолжала стоять на месте, без лишних слов, все еще рассчитывая на его милосердие.

– Обойдемся без пресс-релиза. Увидимся в аэропорту.

Генри сбросил вызов.

– Возвращайся в дом. Не стой на холоде.

Элизабет смолчала. Посмотрела на его крепкий стан снизу вверх, с большой частотой захлопав глазами. Сковала жуткая дрожь, но, увы, не от холода.

– Позвони, как долетишь.

– Наберу из отеля.

Генри приблизился к жене и аляповато поцеловал ее в волосы. Та слегка отшатнулась.

– Не забудь. Завтра в десять часов.

Бросил он безразличием, словно грязной тряпкой, и поспешно уселся на водительское сиденье. Вскоре завел мотор, украдкой взглянув на жену, и сдал педаль газа. Все произошло настолько быстро, что через несколько секунд на холме стало невыносимо тихо. Девушка продолжила стоять на месте, ухватив взглядом весь загородный анклав, пока над ее понурым видом не начала пролетать огромная черная птица, сделав его еще более болезненным, и улетила, так и ничего не оставив взамен.

Ударяла полночь.

Прозвучала еще пара едких звонков, которые стучали по ее заспанному мозгу, как по наковальне, прежде чем она смогла спуститься вниз со второго этажа и отпереть массивную дверь. На голове творился полный беспорядок.

– Добрый день, мисс Дэвис! – пропел мужчина со светлыми курчавыми волосами, заведя перед собой апатично настроенную фигуру. Элизабет тот час же покраснела. На вид ему было не больше тридцати пяти лет. Хорошо подтянут. Впрочем, это пока единственное, что ей удалось тогда разглядеть, так как пелена на глазах по-прежнему затуманивала весь ее разум. – Меня зовут Уильям! Можно просто Уилл! Рад с Вами наконец-то познакомиться.

Мужчина протянул руку, выражая свое добротное воспитание или же калифорнийский профессионализм. Но хозяйка, охотно уступив позиции всем своим предвзятым мыслям, ответила на его радушие, едва коснувшись его загрубелой ладони, и пропустила вперед, где он, наконец-таки, смог сбросить с плеч все свои инструменты.

– Пожалуйста, проходите.

Вскоре они очутились в просторной библиотеке, где вся мебель была по уши потоплена в двухслойной полиэтиленовой пленке. Библиотека, которая должна была преобразоваться в рабочий кабинет для Генри.

Уильям внимательно осмотрелся, крепко оттянув лямки на своем защитном костюме, и с каким-то странным прищуром взглянул на саму хозяйку.

– Элизабет? – обнажил он зубы в полуулыбке и полностью развернул к ней корпус. – Элизабет Морган?

Девушка побагровела.

– Уильям Лопес... Наши отцы когда-то вместе в гольф играли, ты помнишь?

Элизабет молчала, словно боясь услышать звук собственного голоса, который был так некстати, ведь она жутко нервничала.

– А Сан-Францисский музей современного искусства? Благотворительный гала-ужин, на котором нас представили друг другу еще до начала шоу?

– Ах да... Точно.

Прикрыв рот ладонью, он завертел головой, в то время как Элизабет стоя и хлопая перед ним глазами, мечтала принять их встречу за побочный эффект от приема лекарства. Однако его восторг показался ей чертовски реальным, а при следующем восклицании ее тело опять словно пронзило током.

– Как... как же это... с ума можно просто сойти! Вот так встреча! Вау!

– Да уж, – выдохнула она и опустила глаза, стараясь поправить на плечах все замятия. – Не думала, что вы... прости... *ты* работаешь в "Энрико".

– Да, это моя собственная компания. Штат пока небольшой: три года назад как открылись. Но... мы потихоньку расширяемся, – пожал он плечами. – А ты, значит, так и не уехала из Калифорнии?

– Как видишь.

Прикусила она нижнюю губу скорее от стыда, что не выполнила когда-то данное самой себе обещание, нежели от разочарования, чем это все обернулось.

– Ты лично взялся за этот ремонт?

– Да, я лично, – и на лице парня забродила улыбка сумасшедшего.

– Ладно...

И боль в груди разрослась до апокалипсической. Такая же боль сопровождала ее при каждом визите в детский онкологический центр, где она являлась попечителем местного ансамбля художников, которые скрашивали серые будни здешних маленьких пациентов. Членство в этом направлении всегда требовало от нее стальной выдержки, чтобы хоть как-нибудь помочь этим ни в чем неповинным детям.

– По-твоему, сколько дней это еще займет?

– Ну, в целом, я только начал. – Уильям подошел к стене, которую двумя днями ранее низвел до стартового штукатурного слоя. Прощупал пальцами редкие включения и сощурил глаза, с картинно широким жестом почесав макушку. – Гипсовый состав взялся на «отлично». Ну, думаю, с остальным управлюсь дней так за пять-шесть.

– Ясно.

– Могу рассказать, чем я займусь сегодня.

– Не обязательно.

– Ну, ладно...

И его восхищенный взгляд начал пробегать по окружавшей его обстановке.

– Шикарный дом кстати! Я бы даже сказал, довольно необычный. Ты давно сюда переехала?

– Четыре года назад, – и Элизабет длинно и нервно выдохнула, заломив на руках все десять пальцев, в коих уже давно проявлялась многолетняя усталость. – Прости... мне нужно подняться наверх. Надеюсь, я тебе больше не понадобится?

И от сие зловещего обмана на мгновение у нее перекосило губы.

– Все хорошо. Ты не извиняйся, если у тебя есть какие-то дела или тишина вдруг понадобится, то я обещаю быть нем, как рыба. Как говорится: «Твой дом – твои правила».

– Спасибо... – и вышел из ее уст ответ довольно-таки неловкий, как и последующее извещение. – Эм-м... уборная там за углом. Напитки и еда в холодильнике. Бери. Не стесняйся. Платить ничего не нужно...

– Благодарю.

Элизабет крепко стиснула губы, не оставив и щели, и стоило ему только занести руку над головой, как она, развернувшись, пустилась прочь из прихожей, стремясь убежать как можно дальше от того внутреннего кошмара, с которым она сегодня опять столкнулась.

Парень почесал макушку, все еще недоумевая от встречи со старой знакомой, и взметнул глазами, когда на верхнем этаже дверь в спальную комнату резко захлопнулась.

Уильям в некоем трепетном безмолвии тяжеловесно выдохнул и уперся в нее стальным взглядом при выходе из театра, прежде чем спросить Элизабет о чем-нибудь личном.

– Ты читала хоть раз комиксы?

– Да... – посмотрела она на него косо. – И не один раз.

В предвосхищении тот округлил глаза, и свет от фонарного столба на его симпатичном личике аккуратно обрисовал очаровательную улыбку. Вот и первая влюбленность...

– Я как-то начал читать вселенную Marvel, но персонажи в ней какие-то не такие, плоские что ли, понимаешь? Потому переключился на DC. Три тысячи прочитанных выпусков – и это только верхушка айсберга! Спорим, ты ни за что не угадаешь, кто мой самый любимый персонаж? А-на-р-хи-я. Знаю, о чем ты только что подумала: а как же Супермен? Барри Аллен? Или Бэтмен в конце-то концов?! Не знаю. Его правда жизни слишком сурова, чтобы не казаться правдой. А он сам – молод и чертовски нетерпелив, чтобы мириться с миром, построенном на лицемерии и неравенстве. А тебе кто больше всего нравится из героев?

– Бэтмен, – и девушка несколько раз кивнула, чтобы скрыть свою чрезмерную неосведомлённость: игра на пианино ее интересовала куда больше, хоть она абсолютно не умела играть.
– А любимый суперзлодей у тебя есть?

Уильям почесал блондинистую макушку, пропустив между пальцев свои размашистые кудри. – Анархия и есть суперзлодей. Так-то он один из ключевых противников Бэтмена. Ты разве не знала?

Элизабет покосилась в сторону, мысленно запрятав свою голову в песок, но парень раскусил ее, прежде чем она успела отсыпать ему парочку велеречивых обоснований.

– Постой... ты не читала комиксы, верно?

– Ну... я...

– Да ладно тебе! Не читала комиксы, так и скажи. Зачем обманывать-то было?

– Я не обманывала! А всего лишь подыграла тебе. Нашел из-за чего важничать!

Отрезала она сурово, и состроила не менее суровое лицо, и отвела глаза, чтобы, наконец, разобрать в гуще других автомобилей, закрепленного за ними обоими, их личного водителя. Все-таки плохая была затея – притвориться перед ним, что она не меньшая, чем он, всезнайка.

– Ясно.

На благотворительном съезде Элизабет, едва завидев этого самонадеянного парня, отнеслась к нему с полной предвзятостью. Все называли его образцовым юношей, владеющим не только тремя языками или черным поясом по дзюдо, но и мастерски умеющим играть на рояле. В то время как отец девушки всеми приемами, какие он имел в своем арсенале, пытался привязать к себе не столько отца семнадцатилетнего парня, сколько его безграничные политические способности.

Вскоре Уильям снова почесал затылок и с нескрываемым любопытством взглянул на свою молодую спутницу.

– Предки уже выбрали тебе колледж?

– Я решила, что буду поступать в Колумбийский. На факультет искусств, – высказалась она нетерпеливо. – А ты?

– Отец натаскивает меня по международному праву. Вернее, эту работу за него делают сразу несколько репетиторов. Впрочем, в этом уже давно нет ничего странного, не так ли?

– Плевать я хотела на его клинику, – процедила она сквозь зубы. – Он хочет, чтобы я получила двойную специализацию, чтобы я не просто владела его долей, а управляла всей этой структурой изнутри.

Уголок его рта тихонько разжался, и он с внешним спокойствием собрал руки под грудью.

– Кажется, я понял, с чего надо было начать наше свидание.

– Свидание? – и Элизабет чуток покраснелась, переступая с пятки на носок, чтобы сдерживать перед ним свое изумление. – И с чего по-твоему его нужно было начать?

– С откровенности.

Затем Уильям взглянул на наручные часы, мысленно сверил время и развернулся к девушке, приставив ладонь ко рту. В его глазах считывалась непреклонная решимость.

– Может быть, заскочим в Сотто? Каких-то пара кварталов отсюда. Слышал, там готовят неплохие чизкейки.

– Чизкейки? Звучит не плохо. А, как думаешь, молочные коктейли там подают?

– Молочный коктейль? Эмм... я думаю, что да. В каком кафе нет молочных коктейлей, верно?

Элизабет окинула нежным взором весь его высокий рост и впервые за весь этот долгий вечер обнажила перед ним свои передние зубы.

– Ах да! – Уильям снял с себя пиджак и накинул на плечи девушки. – Так лучше?

– Да. Спасибо.

Держались они друг напротив друга спокойно и непринужденно в этот субботний июльский вечер тысяча девятьсот девяносто седьмого года после самого скучного спектакля во всем этом огромном мегаполисе, которому все-таки удалось их сблизить.

– Идем! – протянул он ей ладонь. – Я, кажется, знаю самый короткий путь до кофейни. Элизабет схватила его за руку, и они вдвоем бросились прочь от этого места.

Три часа спустя, когда содержание препарата в крови немного поутихло, а полуденные кошмары стали навеваться к ней как по расписанию, Элизабет все-таки отважилась покинуть спальную комнату, чтобы спуститься на первый этаж, а именно: неуклюже волоча ногами, тяжело и медленно притопывая, а порой на цыпочках, будто ее уже смутили. Уильям тем временем проходил грунтовой смесью по не глубоким рельефным изгибам, точено владея то валиком, то малярной кистью. На шее спереди у него болтались защитные очки с респиратором. Девушка пожелала бы и дальше оставаться незамеченной в своих мешковатых обноскох, казалось бы, максимально незаметно прокрадываясь мимо библиотеки, но парень непроизвольно мотнул головой и, на ее же несчастье, ее заметил.

– Элизабет!

Она вздрогнула.

– Я тут практически закончил со смесью, – насупил он до неказистости свое лицо, когда в нос ударили кусочки строительной пыли. – Надо бы дать потом стене немного просохнуть.

– Как долго?

– Два-три часа, как минимум. Потом нужно будет пройти гипсовой штукатуркой до полного выравнивания и дать стене снова просохнуть. Я мог бы съездить в офис и привести оттуда еще два мешка раствора, и вернуться сюда, скажем так, часика через три.

– Хорошо.

Элизабет подалась на кухню и наспех включила кофеварку. Снова задумалась.

Повсюду было много стекла, хоть с виду и не хрупкого, каменные блоки, которые были элитарно облицованными, но, так или иначе, утяжеляли весь этот новейший интерьер. На стенах – декоративная штукатурка с витиеватыми прожилками.

На самом деле, этот элитный район не был таким элитным, как Пасифик-Хайтс или же Хантерс-Пойнт, славящиеся своими историко-архитектурными достопримечательностями. Но для Генри, предпочитающего слабую симметрию и суровый минимализм, все это казалось уже давно отжившим. Еще пара лет и он должен будет стать равноправным партнером крупной финансовой компании. Должность, которая станет карьерным трамплином к открытию собственного инвестиционного бизнеса. Ведь, несмотря на незыблемую популярность его матери, ее балетная академия всегда будет нуждаться в грантах или в спонсорских контрактах, чтобы не дать налоговой закрыть это учебное учреждение.

Элизабет трагически сжала губы и уставилась на полуденный свет за высокими панорамными окнами, как на нечто обжигающее. С каждым годом этот брак становился все мрачнее.

– Я закончил.

Девушка развернулась и возле стильной реечной перегородки, ограждавшей столовую от кухонной зоны, увидела Уильяма, обнажавшего перед хозяйкой все свои белоснежные зубы.

– Ну-у, я тогда поеду... вернусь, как только стена хорошенько просохнет.

– Будешь кофе?

И он почти даже потерялся. Особенно в первое мгновение.

– Не отказался бы. Спасибо.

Тогда она переметнулась на другой конец гарнитуры, выудив из холодильника небольшой пакет сливок.

– Мне без сливок. Пожалуйста.

– Прости, я не знала.

– Ничего страшного. Кофе мы с тобой еще не пили.

Ответил он, перекидывая из обеих рук полиэфирные перчатки. Затем сделал осторожный шаг вперед и поправил голос, загнав руки за спину.

– Славная погодка для середины мая, не так ли?

– Угу, – процедила она сквозь губы, пустым взглядом сверля кофемолку. Но ее работа все никак не ускорялась.

Уильям стоял и раскачивался на месте, бросая расторопные взгляды на высокотехнологичные предметы мебелировки. А затем и на саму хозяйку.

– Наверно, тебя удручает вся эта разруха?

– Нисколько, – голос ее слегка дрогнул, и она замотала головой, ежесекундно подав ему кофе. – Ты присаживайся.

Парень тут же приземлился на барный стул и принялся отпивать из чашки, смакуя каждый небольшой глоток как какую-то райскую амброзию. – Надеюсь, это не Копи Лювак? Было бы очень забавно.

Элизабет кротко улыбнулась. – Нет, это простая арабика.

И на лице Уильяма одновременно разгладились все лобные морщины.

– Приятно, что такие уважаемые люди, вроде вас с мужем, решили обратиться в мою компанию. Поверь, для меня это очень ценно.

– Выбирал муж. Я в этих делах совсем не смыслю.

И Элизабет повела изнеможенным взглядом в сторону. Ох уж, эта хроническая сонливость! И чуть позже начали беспричинно трястись руки. Но дело было не в самих руках, а в нервах.

Еще раз оглядевшись, Уильям бросил помрачневший взгляд на полупустую чашку. Брови сжались.

– Ты, наверняка, наслышана об аферах моего отца?

И девушка ответила, хоть и не сразу.

– Да... сочувствую, что все так сложилось.

– На самом деле, я всегда знал, что с ним было что-то не так. Удивительно только, как его раньше на этом не взяли.

Парень усмехнулся в ответ на свои же дерзновения, но быстро сдался.

– Я знаю про гибель твоих родителей.

Элизабет наспех взметнула глазами.

Автокатастрофа. Семь лет назад. В качестве наследства: небольшая прибыль от продажи доли в престижной отцовской клинике, огромный загородный дом с участком, прочая движимость/недвижимость и солидный частный капитал. И именно поэтому, еще при знакомстве с Генри, Миссис Дэвис так крепко ухватилась за свою будущую невестку. Но каких бы намерений не преследовала его семья, сам Генри, пожалуй, это все, что у нее теперь осталось.

– Мне глубоко жаль. Сочувствую тебе.

– Ничего... – дыхание ее буквально пресеклось, – Это уже давным-давно в прошлом.

Она выдержала паузу.

– Ты прости... утро выдалось довольно тяжелым.

– Не надо. Не извиняйся, – спокойно произнес Уильям, и девушка взглянула на него с немым изумлением, спрятав под массивные складки свитера свои продрогшие руки.

Солнце на небе светило, когда ему только вздумается. Сквозь приоткрытые окна доносилось пение обезумевших птиц. Сколько раз... сколько раз она помышляла о том, чтобы навсегда покончить со своей жизнью, однако еще ни разу не задумывалась о том, чтобы уйти от мужа. Элизабет схватила в руку ложку, и гряда сомнений тут же стала разрывать ее самосознание.

Уильям тихонько прокашлял и поставил пустую чашку на стол.

– Ну, я поеду. Вернусь часа через три, как и обещал. Большое спасибо тебе за гостеприимство, Лизи.

Элизабет успела уловить его изумрудный взгляд и с зубовным скрежетом опустила глаза себе под ноги.

– Я оставлю дверь открытой, – вышло из ее уст, когда Уильям молча приподнялся со стула. – Надеюсь, моя помощь тебе снова не понадобится.

Вскоре она сделала глубокий вдох и, разжав кофейную ложку, бросила равнодушные взгляды на его рабочую поношенную обувь, пока тот окончательно не скрылся из виду.

Элизабет выудила из-под пледа свои руки, чтобы набрать мужа. На часах половина одиннадцатого. Прошло, как минимум шесть гудков, прежде чем Генри смог ответить, и девушка зашевелилась на месте в некоем трепетном ожидании.

– Привет, милый... – сказала она на длинном придыхании, но на лице витала полноразмерная грусть: тоска по мужчине, который был зверски одержим одной только работой.

– Привет. Прости, что не набрал тебе сам. Весь день, как ужаленный.

– Все в порядке?

– Все отлично! Как я и предсказывал, молодой наследник Уолтонов хорошо замотивирован на то, чтобы избежать сухой ликвидности. Риски имеются. Но он доверяет мне, а я доверяю его умному советнику. Уверен, на днях эта сделка состоится!

И его голос тут же взлетел до эксцентричного возгласа, чтобы оценить свой собственный гений. Не тайна, что от своей работы он получал куда больше впечатлений, нежели от той, с кем он по закону должен был проводить все ночи.

– Очень рада за тебя, – произнесла она сухо.

– Мастер был сегодня?

И прежние воспоминания целиком и полностью заполнили ее разум.

– Да, был. – Элизабет сжала кулак и опустила глаза на свою побледневшую руку. – Может быть, мы отпустим его в пятницу? Я хотела бы к твоему приезду испечь твой любимый пирог. Какой предпочитаешь: ванильный или черничный?

Генри тихонько прокашлял в трубку. – Мне придется задержаться здесь еще на несколько дней. Как только Уолтоны подпишут договор, я вылечу в Сан-Франциско первым же рейсом.

Честно признаться, она и сама удивилась, что совсем не удивилась этой новости. Но пылливо смолчала, что не умышленно спровоцировало самого Генри.

– Эта сделка – наш билет в новую жизнь, Лизи! Ведь, будучи партнером, мне уже не придется по два-три раза в месяц надрываться, вылетая из города. Или братья за сверхурочные, которые нас обоих так не устраивают. Ты ведь это понимаешь?

– Да, понимаю.

Элизабет кивнула головой, вырвавшись из оков покрывала, и направилась на кухню, чтобы смочить вновь воспаленное горло. Ее уносило от одних размышлений, бросая в объятия других, не менее печальных. А в голове возник осуждающий тон его матери. Впрочем, так было постоянно.

– В четверг придет Оливия. Отдай ей всю стопку дисков, которые ты найдешь на моем рабочем столе.

Оливия, кухня Генри, отличалась своим мятежным и свободолюбивым характером и потому была не в почете в их интеллигентной семье. Вернее сказать, не в почете со стороны его чопорной матери. Да уж, семейка Дэвисов любила вносить во все свои коррективы. В такие периоды Элизабет часто садилась за холст, смело вынося всю накопившуюся боль, поэтому ее картины всегда казались ее мужу слегка мрачноватыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.